

Экзистенциальные вызовы для Армении как малого государства в условиях конкуренции великих держав

Дунамалян Н. А.

Аннотация

Статья анализирует трансформацию внешнеполитического положения Республики Армения в условиях изменения международного порядка и роста конкуренции между глобальными и региональными державами. Автор рассматривает Армению как «малое государство», оказавшееся в ситуации нарастающей уязвимости вследствие ослабления традиционных механизмов безопасности и разрушения прежней архитектуры «укрытий». Выделяются три ключевых направления внешнего давления: иранско-израильское противостояние, российско-американская конкуренция и структурное усиление турецко-азербайджанского тандема. Показано, что сочетание инфраструктурной зависимости, отсутствия стратегической глубины и институциональных ограничений создает для Армении комплекс экзистенциальных рисков, включая угрозу утраты субъектности, региональной изоляции и втягивания в конфликты крупных акторов.

Հայաստանի՝ որպես փոքր պետության գոյաբանական մարտահրավերները տերությունների մրցակցության պայմաններում

Ն. Ա. Դունամալյան

Մեղմագիր

Հոդվածը ուսումնասիրում է Հայաստանի արտաքին միջավայրի վերափոխումը՝ միջազգային կարգի խաթարման և գլոբալ ու տարածաշրջանային ուժերի մրցակցության սրման պայմաններում: Հայաստանը դիտարկվում է որպես փոքր պետություն, որի խոցելիությունը ավելանում է անվտանգության ավանդական մեխանիզմների թուլացման և արտաքին «պաշտպանական ապաստանների» կազմաքանդման արդյունքում: Հեղինակը առանձնացնում է երեք հիմնական գործոն՝ Իրանի և Իսրայելի դիմակայությունը, Ռուսաստանի և ԱՄՆ-ի մրցակցության նոր ձևաչափը տարածաշրջանում, ինչպես նաև Թուրքիայի և Ադրբեջանի տանդեմի կառուցվածքային ձնշումը: Այս գործընթացները խորացնում են Հայաստանի ենթակառուցվածքային կախվածությունը, ռազմավարական սահմանափակումները և ձնշման մեխանիզմների նկատմամբ բացվածությունը՝ ձևավորելով գոյաբանական ռիսկեր՝ սուբյեկտության կորուստ, տարածաշրջանային մեկուսացում և արտաքին հակամարտությունների մեջ ներգրավման վտանգ:

Existential challenges for Armenia as a small state amid Great power competition

Dunamalyan N. A.

Summary

The article examines the transformation of Armenia's external environment amid the erosion of the international order and the intensifying competition among global and regional powers. Armenia is analyzed as a small state facing growing vulnerability due to the weakening of traditional security arrangements and the fragmentation of its external “shelters”. The study identifies three principal vectors shaping Armenia's strategic constraints: the Iran-Israel confrontation, the evolving U.S.-Russia rivalry in the region, and the structural pressure of the Turkey–Azerbaijan tandem. These dynamics reinforce Armenia's infrastructural dependence, strategic limitations, and exposure to coercive mechanisms, creating existential risks such as the loss of agency, regional isolation, and inadvertent involvement in external conflicts.

Экзистенциальные вызовы для Армении как малого государства в условиях конкуренции великих держав²

Введение

Каждая смена миропорядка – от Венской до Ялтинско-Потсдамской системы — приводила к маргинализации малых акторов и разрушению прежних форм баланса сил. Парадокс заключается в том, что малые государства одновременно становились как жертвами, так и бенефициарами системных кризисов, поскольку их включение в новую структуру отношений давало им шанс на обновление статуса. Однако выживание малых государств зависит от умения встроиться в порядок, установленный великими державами, а не от их собственных инициатив.

В качестве «нормальной» стратегии для малых государств, – то есть акторов международных отношений, испытывающих дефицит ресурсов и обладающих рядом уязвимостей, – можно отметить поддержку стабильного миропорядка, обеспечивающего их суверенитет. В то же время в периоды мировых кризисов поведение малых государств становится нелинейным и адаптивным, изменяясь в зависимости от локального распределения силы и внешнего давления.

Возврат к модели «концерта держав» делает миропорядок *межрегиональным и силовым*, когда выживание малых государств зависит от их включенности в крупные блоки в соответствии с региональной структурой безопасности. С другой стороны, рост влияния средних держав (Турция, Бразилия, Саудовская Аравия и др.) формирует новую категорию угроз:

- средние державы начинают перехватывать зоны влияния и навязывать собственные региональные форматы;
- великие державы частично перекладывают на них ответственность, но без реального перераспределения власти.

Таким образом, мир вступает в «эпоху колоссов на глиняных ногах», где уязвимость малых государств усиливается не только из-за конкуренции сверхдержав, но и под давлением средних держав.

Постсоветские республики являются ярким примером «невстроенности» малых государств в новый мировой порядок. После 44-дневной войны РА перешла к пассивной стратегии поведения. Для Армении характерна трансформация восприятия собственной государственности, а именно: переход от идеологии национально-диаспоральной интеграции к прагматичному концепту «малого государства»; сужение субъектности государства до рамок обеспечения внутренней стабильности; «рационализация поражения» – попытка выстроить безопасность через нейтралитет и экономическую открытость.

¹ Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Российско-Армянского (Славянского) университета. Автор более 15 научных работ и статей.

² Статья представлена в редакцию 16.11.2025.

Как следствие, армянское руководство осуществляет поиск ниши в инфраструктурных, торговых и интеграционных проектах, способных временно стабилизировать его положение. Для правящих кругов в Армении это означает необходимость институционализировать статус «*малого государства*», то есть строить стратегию не на претензии к равноправию, а на активном участии в формировании новых региональных структур, транспортно-коммуникационных связей и механизмов посредничества между блоками.

В этих условиях возникает проблема соотношения стремлений армянских элит с планами других акторов, поскольку успех реализации внешнеполитической стратегии Армении во многом зависит от геополитической ситуации в мире и регионе. Исходя из этого, следует проанализировать несколько сюжетов, влияющих на место Армении в мире и формирующих основные гипотезы данного исследования.

Первая гипотеза касается возможности полномасштабного обострения между Ираном и странами коллективного Запада (в частности, Израилем и США), что может оказать негативное влияние на военно-политическую и гуманитарную ситуацию вокруг Армении и существенно ограничить ее возможности. Вторая гипотеза рассматривает Армению не как жертву обстоятельств, а территориальный «*узел противоречий*», на примере которого тестируется новая модель баланса между глобальными и региональными игроками (в частности, Россией и США). В рамках третьей гипотезы допускается «*встраивание*» Армении в политические и экономические проекты Турции и Азербайджана с целью последовательной нейтрализации «армянского фактора».

«Иранское противостояние»: угроза сопутствующего ущерба для Армении

Военное противостояние Израиля и Ирана в 2024–2025 гг. напрямую затронуло Иорданию, Катар, Ливан, Сирию, Азербайджан, Кипр и другие малые государства, создав условия для вовлечения в кризис новых акторов. Наряду со «*сжатием геополитического времени*», в течение года проявилась тенденция сокращения дистанции между геополитическими акторами на Большом Ближнем Востоке – в политическом, технологическом и информационном аспектах. Для Армении последствия 12-дневной войны между Ираном и Израилем проявились в снижении экономической активности и ограниченном потоке иммигрантов, однако продолжение конфликта или дестабилизация ситуации в ИРИ могли поставить под угрозу стратегическое развитие армянского государства на годы вперед. Рассмотрим несколько ключевых проблем.

Первым и наиболее уязвимым элементом для Армении в условиях ирано-израильского противостояния является возможное нарушение функционирования инфраструктуры международного транспортного коридора «Север–Юг», имеющего стратегическое значение для сохранения роли Армении как регионального актора. Для малых государств транспортные узлы имеют экзистенциальный характер, поскольку их экономическая модель нередко опирается на транзит, внешнюю торговлю и доступ к альтернативным маршрутам. В этом контексте «Север–Юг» выступает опорой суверенного развития Республики Армения, обеспечивая транзит из Грузии в Иран, а также создавая более широкую перспективу соединения транспортных путей России, Ирана и Индии. Маршрут через Азербайджан, несмотря на преимущество непрерывного

железнодорожного сообщения, соответствует интересам Баку лишь во вторую очередь, поскольку акцент делается на развитии «Среднего коридора» и сохраняется напряженность в отношениях как с Ираном, так и с РФ. Россия, в свою очередь, видит большой потенциал в развитии восточного пути МТК «Север–Юг» через Центральную Азию, отмечая «ненадежность» коридора через Азербайджан. Иными словами, для азербайджанского руководства проект «Север–Юг» может представляться угрозой чрезмерной зависимости от России и Ирана, поэтому геополитическое противостояние этому проекту может превзойти возможные экономические выгоды. Для Армении автомагистраль «Север–Юг» остается жизненно важной транспортной артерией для развития республики, поскольку закрытие границы с Ираном приведет к резкому повышению зависимости от Турции и Азербайджана и «отсечению» армянской транспортной инфраструктуры от южного направления (по направлению стран Ближнего Востока и Индии).

С другой стороны, возможен срыв сообщения между Ираном и Евразийским пространством через территорию Армении, что способно не только подорвать ее региональную логистику, но и нарушить работу крупных инфраструктурных и интеграционных инициатив. Отметим, что война в Украине после 2022 г. уже нанесла ощутимый удар по интеграционному развитию внутри ЕАЭС и осложнила взаимодействие между странами-членами объединения из-за санкционного режима. Тем не менее Союз также проявил высокую устойчивость в преодолении ограничительных мер против России и Беларуси, а также заключил преференциальное соглашение с ОАЭ. Дестабилизация внутри Ирана может нарушить логику внешнего взаимодействия ЕАЭС в рамках ЗСТ и снова затормозить интеграционные процессы.

Еще одним последствием иранского кризиса может стать прекращение работы газопровода Иран–Армения или энергетического «свопа», что сделает республику более зависимой от российского поставщика и сузит пространство внешнеполитического маневра. В дальнейшем Азербайджан и Турция также способны использовать дестабилизацию вокруг Ирана для продвижения собственных энергетических проектов, еще более маргинализируя транзитный потенциал Армении.

Лишь в последнюю очередь миграционный кризис может стать дополнительным вызовом для экономики страны, однако его можно будет контролировать и даже придать позитивный эффект в рамках решения демографических проблем Армении. Однако данный процесс станет необратимым механизмом трансформации внутреннего порядка, влияя на изменение социальной структуры и этнического состава общества.

В конечном счете для Армении, как для малого государства, расположенного на стыке нескольких геополитических зон, региональный конфликт означает опасность перемещения зоны боевых действий на ее территорию и усиление давления со стороны более сильных государств, стремящихся контролировать критическую инфраструктуру или использовать территорию для собственных стратегических целей.

Как показывает опыт Иордании, Ливана и Азербайджана, даже не прямое участие в региональной войне приводит к структурным потерям – от сокращения инвестиций и туризма до закрытия границ и роста внешней зависимости. Армения, обладая ограниченной стратегической глубиной, будет испытывать эти последствия особенно остро.

Ирано-израильское противостояние продемонстрировало свойство малых государств быть не только уязвимыми, но и востребованными как элементы инфраструктуры, дипломатического посредничества и гуманитарной поддержки. Однако их *«интеграция через уязвимость»* несет в себе парадокс: чем активнее малые государства включаются в управление кризисом, тем выше вероятность их вовлечения в сам конфликт. Для Армении ключевая задача – не допустить сценария *«буферного государства без геополитических гарантий»*.

Армения как одна из арен российско-американского противостояния?

В одной из публикаций мы отмечали актуальность ограниченного взаимодействия России и США в условиях общего стратегического противостояния. В этом контексте регионы Южного Кавказа и Центральной Азии – вследствие ослабления позиций РФ после 2022 г. – стали пространством «тестирования» новых моделей международного взаимодействия, сочетающих элементы сотрудничества и жесткой конкуренции.

В этих условиях Армения оказалась в состоянии *«институциональной ловушки»* для малой страны, когда обязательства перед одним центром силы осложняют выполнение обязательств перед другим, а отказ от любого направления сопряжен с угрозами безопасности. По ряду причин армянское руководство продолжает накапливать новые обязательства перед различными внешнеполитическими акторами, что может привести к непредсказуемым последствиям. Так, Россия остается формальным гарантом безопасности Армении как член ОДКБ; одновременно США и ЕС становятся ключевыми политическими и экономическими партнерами, но не берут на себя прямых военных обязательств. В свою очередь, Турция и Азербайджан используют разрыв между обязательствами и реальными гарантиями для давления на Ереван. В результате формируется ситуация отсутствия надежных гарантий с любой стороны.

Вместе с тем Армения интегрирована в ЕАЭС и одновременно зависит от европейской помощи, американских и китайских инвестиций, а также торговых и инфраструктурных проектов с Ираном. Противоречие интересов партнеров превращает любую экономическую инициативу в политически чувствительный вопрос. Тем более что проекты вроде *TRIPP* (*«Маршрут Трампа»*) вызывают неоднозначную реакцию у международных акторов.

С другой стороны, идея *«Маршрута Трампа»* обещает стать ключевым фактором региональных отношений в будущем в случае ее реализации и более активного участия США в делах региона. Очевидно, что разблокировку коммуникаций через Сюник стремились использовать различные центры силы начиная с 2020 г., однако текущая конфигурация региональных отношений основана на совершенно иных предпосылках. Система региональной безопасности, построенная на российском влиянии, сегодня фактически демонтирована; в то же время новая архитектура, предлагаемая США и отчасти ЕС, еще не сформирована. К тому же *TRIPP* можно считать только частью «пазла», включающего отношения с государствами Центральной Азии (в частности, саммит формата «5+1» стран Центральной Азии и США), логику развития инфраструктуры «Среднего коридора» и продолжающееся давление на Иран.

Вместе с тем, в отличие от периода «холодной войны», нынешнее соперничество России и США на Южном Кавказе не носит бинарного характера. Оно проявляется в нескольких измерениях: в дифференцированных формах влияния (экономическое, гуманитарное, военное, энергетическое), в поиске региональных союзников (Азербайджан, Турция, Иран, отдельные группы внутри южнокавказских республик), а также в конкурирующих инфраструктурных проектах («Север-Юг», «Средний коридор», *TRIP* и др.).

Армения постепенно превращается в своеобразную геополитическую лабораторию, где в режиме реального времени испытываются различные модели посредничества, давления, интеграции и конкуренции между глобальными и региональными центрами силы. Насыщенность внешними акторами – от США и России до Турции, Азербайджана, Ирана и ЕС – формирует ситуацию, которую в международных исследованиях описывают как состояние «стратегического зажима» (*“strategic squeeze”*). Оно характеризуется сочетанием трех факторов: дефицита собственных инструментов внешнеполитического влияния, высокой зависимости практически от каждого направления сотрудничества и ограниченности внутренних ресурсов, не позволяющих выстраивать автономную и долгосрочную внешнеполитическую линию. В таких условиях пространство маневра неизбежно сжимается, а любое внешнеполитическое решение оказывается сопряжено со значительными издержками.

В результате перед Арменией возникают 4 взаимосвязанные экзистенциальные угрозы. Прежде всего, это риск утраты субъектности, когда ключевые решения принимаются в логике интересов внешних акторов, а не в соответствии с долгосрочными стратегическими приоритетами самой страны. Второй угрозой является опасность региональной изоляции: при отсутствии устойчивой интеграции в архитектуру региональной безопасности или участия в крупных инфраструктурных проектах Армения рискует оказаться «выпадающим звеном» на Южном Кавказе. Третья угроза связана с продолжающимся противостоянием России и Запада: в определенном сценарии конкуренция великих держав будет проявляться непосредственно на территории Армении, вовлекая ее в чужой конфликт без наличия достаточных механизмов защиты. Наконец, существует вероятность постепенного втягивания страны в политико-экономические инициативы Турции и Азербайджана в случае, если Москва и Вашингтон не смогут обеспечить региональный баланс, а Ереван не создаст собственных механизмов сдерживания.

Тем не менее даже в подобных условиях «институциональная ловушка» малой страны не является фатальной. Международный опыт показывает, что малые государства способны выходить из «стратегического зажима», если им удастся повысить собственную ценность в формировании нового баланса сил и одновременно укрепить внутреннюю устойчивость политической системы. Возможные траектории развития армянской внешней политики формируются на пересечении нескольких подходов. Первый подход предполагает многоуровневый баланс: не резкий разрыв с прежними союзниками, а постепенную диверсификацию, при которой сотрудничество с ЕС сочетается с ограниченным, но необходимым диалогом с Россией, а также сохранением инфраструктурной связки с Ираном. Такой подход снижает уязвимость и не провоцирует резкой стратегической турбулентности.

Вторая возможная траектория связана с превращением Армении в площадку регионального посредничества. Благодаря своему положению между конкурирующими акторами страна может претендовать на роль платформы для диалога – между Россией и Западом, Ираном и Западом и др. Подобная роль повышает субъектность и снижает вероятность того, что Армения станет пространством прямого столкновения чужих интересов. Третий подход опирается на идею инфраструктурной ценности: страна может укрепить свои позиции за счет участия в региональных энергетических, транспортных и цифровых проектах. Став частью транспортно-логистических цепочек, Армения получает не только экономические выгоды, но и политический вес, превращаясь в узел, который невозможно игнорировать ни одному центру силы. Однако при этом необходимо комплексное развитие транспортного и инфраструктурного потенциала республики (возобновление работы всей «советской» железнодорожной системы Южного Кавказа), а не только одного из проектов (например, *TRIPP*).

Наконец, четвертая возможная стратегия – выборочная автономия. Она предполагает гибкое и адаптивное поведение без жесткой привязки к какому-то одному политическому блоку. В такой модели внешняя политика приобретает преимущественно прагматический, а не идеологический характер: Армения сохраняет пространство для самостоятельных решений лишь там, где это не вступает в противоречие с критическими зависимостями и структурными рисками; союзные обязательства формируются не по принципу политической лояльности, а как инструмент минимизации уязвимостей и предотвращения стратегической изоляции. Такая стратегия позволяет минимизировать риски и избежать жесткой линейности, которая в условиях многополярного давления почти всегда оборачивается ослаблением позиций государства.

Турецко-азербайджанский тандем: коллективное давление и дорожная дипломатия

Усиление тандема Турции и Азербайджана стало одним из наиболее значимых трансформационных факторов региональной безопасности после 2020 года. Это партнерство выходит за рамки двустороннего сотрудничества и формирует новый региональный контур, в котором Баку и Анкара выступают как единый центр силы (по крайней мере в отношении с Арменией), обладающий военными, экономическими и инфраструктурными ресурсами. Для Армении данный тандем представляет собой не просто внешнеполитический вызов, но и структурное давление, создающее долгосрочные ограничения для ее стратегического маневра.

В основе этого давления лежит концепция «*дорожной дипломатии*» – использование транспортных, инфраструктурных и логистических проектов в качестве инструмента геополитического влияния. Турция и Азербайджан последовательно стремятся включить Южный Кавказ в систему коридоров, подчиненных логике «тюркской» интеграции, где коммуникации становятся не нейтральной площадкой, а механизмом трансформации регионального баланса. Примером такой стратегии выступают усилия Баку по созданию прямого сообщения с Нахиджеваном, продвижение Среднего коридора и попытки институционализировать собственное

видение «инфраструктурного переформатирования» Сюника.

Для Азербайджана «*дорожная дипломатия*» выступает инструментом послевоенного закрепления результатов 2020–2023 гг. и формой политического давления на Ереван. Турция и Азербайджан уже используют ограничение транспортных маршрутов как инструмент внешней политики. Так, блокада Лачинского коридора в 2022–2023 гг. стала проверкой способности Баку использовать транспортную и энергетическую инфраструктуру в качестве рычага политического шантажа. К этому можно добавить возможные ограничения на торговые и грузовые перевозки через границу Армении и Грузии, где Азербайджан и Турция имеют значительное экономическое влияние, хотя в течение 2025 г. подобная ситуация возникала также в связи с торговыми конфликтами с российской и грузинской сторонами. Не следует забывать и о коллективном блокировании воздушных коридоров в период военных действий в Нагорном Карабахе в 2020 году. Все эти факторы уже имели место, и нет гарантий того, что данные механизмы структурного давления не будут вновь применены.

Инфраструктурные проекты трактуются Баку не как предмет переговоров, а как продолжение военной победы с целью фактической трансформации армянского суверенитета в Сюнике. В этом контексте разблокировка коммуникаций, изначально рассматривавшаяся как возможность для регионального развития, превращается в инструмент политико-территориального принуждения, где каждая трасса, железнодорожный участок или пограничная линия встроены в более широкую стратегию «*территориальной связности тюркского мира*».

Турция, в свою очередь, воспринимает азербайджанскую экспансию в инфраструктурную сферу как часть собственного регионального проекта. Анкара активно продвигает идею «*тюркской макрозоны*», в рамках которой транспортные коридоры связывают не только Турцию и Азербайджан, но и Центральную Азию, создавая единое пространство движения товаров, капитала и военных ресурсов. Появление Тюркской инвестиционной компании в 2024 г., активизация Организации тюркских государств и строительство железной дороги Карс–Игдыр–Нахичевань в обход Армении демонстрируют, что экономическая логистика превращается в элемент геополитического давления.

Для Армении проблема заключается не только в самом давлении, но и в изменении структуры регионального доминирования. Если в 1990-е и 2000-е годы Анкара и Баку действовали асинхронно, то после 2020 года их политика стала синхронизированной, создавая эффект «*двойного прессинга*». В рамках этой стратегии Азербайджан применяет тактику «*постоянной неопределенности*», создавая ситуацию, при которой отсутствие мира становится инструментом принуждения Еревана к уступкам, а Турция выступает гарантом, оператором и политическим покровителем данной тактики.

Дорожная дипломатия тандема усиливает институциональную ловушку для Армении. Любая попытка интеграции в региональные транспортные сети немедленно сталкивается с условиями, выдвигаемыми Баку и Анкарой: политическая лояльность, принятие их видения границ, изменение конституционных или законодательных норм. В результате коммуникации, которые могли бы повысить субъектность Армении как транзитного государства, превращаются в механизмы ограничения ее политической

самостоятельности. Кроме того, Сюникская область, способная стать регионом-медиатором для взаимодействия стран региона, Ирана и России с наличием «свободной экономической зоны» в Мегри с 2017 г., сегодня воспринимается как зона потенциального конфликта, а не сотрудничества. Следует также отметить, что гипертрофированное внимание к т. н. «Зангезурскому коридору» затмевает обсуждение любых иных маршрутов через территорию Армении (например, Газах–Иджеван, Гюмри–Карс и др.), превращая вопрос разблокировки коммуникаций в очередной инструмент давления на армянскую сторону.

Продвижение т. н. «Зангезурского коридора» стало частью символической политики Азербайджана, призванной разрушать легитимность территориальной целостности Армении. Внутренние нарративы Азербайджана и Турции транслируют «историческую неизбежность» соединения тюркских территорий, что превращает инфраструктурный проект в инструмент ревизии истории и географии.

Таким образом, турецко-азербайджанский тандем не только создает давление на Армению, но и структурирует региональную архитектуру таким образом, что пространство для суверенной армянской политики системно сокращается. Коммуникации, границы, экономические связи и логистика превращаются в поле борьбы за включение Армении в геополитический проект Анкары и Баку. В этом контексте следует рассматривать разблокировку перевозок зерна через территорию Азербайджана, поскольку в случае прекращения иранского и российского импорта Армения полностью оказывается в зависимости от поставок через Азербайджан и Турцию. Это давление усугубляется отсутствием внешней силы, готовой выступить гарантом безопасности и территориальной целостности Армении: Россия утратила роль регионального гегемона, а Запад не готов компенсировать этот вакуум, ограничиваясь лишь смягчением издержек для армянской стороны (например, в рамках «Вашингтонских соглашений»).

В результате «дорожная дипломатия» и стратегическое партнерство Турции и Азербайджана формируют долгосрочный вызов для армянской государственности, связанный с попыткой включить Армению в «транзитный коридор» на условиях, несовместимых с ее суверенной стратегией.

Модель противостояния внешним вызовам

Одним из наиболее продуктивных подходов для анализа внешней политики малых государств в условиях системной нестабильности является «теория укрытия» (*“shelter theory”*). Согласно этому подходу, выживание малой страны зависит не от ее собственных ресурсов, а от набора внешних «укрытий» – политических, экономических и общественных, – которые компенсируют структурные дефициты государственности. Малые страны строят собственную устойчивость через комбинацию этих «укрытий», а не через прямое соперничество с более могущественными акторами.

Армения, пережившая трансформацию системы региональных отношений после 2020 года, является ярким примером того, как разрушение прежнего пакета «укрытий» приводит к возникновению стратегического вакуума. На протяжении трех десятилетий военно-политическая безопасность Армении была связана с Россией, что частично компенсировало

военную асимметрию с Азербайджаном и наличие закрытых границ с Турцией. Однако после 2022 года этот элемент «иммунитета» Армении перед внешними вызовами стал более ограниченным, хотя РФ продолжила сохранять формальный статус гаранта безопасности.

Параллельно формировалось новое политическое «укрытие» со стороны Запада – ЕС и США. Оно включало институциональную поддержку, финансирование реформ, дипломатическое вовлечение и частичное укрепление социальной устойчивости страны. Тем не менее западное «укрытие» оказалось ограниченным: оно не сопровождалось прямыми гарантиями безопасности и, следовательно, не могло заменить традиционную модель регионального баланса сил.

Иран, воспринимаемый как геостратегический партнер, выполняет роль географического и экономического «укрытия». Через его территорию проходят жизненно важные маршруты, обеспечивающие суверенную связность Армении. Однако сам Иран является объектом международного давления и регионального соперничества, а его возможности предоставлять Армении гарантии безопасности ограничены. Отношения Ирана и России, которые часто интерпретируются как формирование «континентальной оси», не могут рассматриваться как стабильный источник защиты: конкуренция за влияние в Азербайджане, различие интересов по отношению к Турции, разнонаправленность логистических проектов и постоянная угроза военного обострения создают дополнительную неопределенность для Еревана. В логике «*shelter theory*» это означает, что «укрытия» не только ослабляются, но и вступают в конфликт друг с другом, что увеличивает уязвимость малого государства.

Для Армении наиболее опасным фактором стало то, что разрушение прежних «укрытий» совпало с усилением ревизионистского давления со стороны Турции и Азербайджана. Эти государства не предоставляют «укрытия», а, напротив, формируют угрозы, делая вопросы безопасности зависимыми от собственной интерпретации коммуникационных, территориальных и политических процессов. В условиях отсутствия надежного защитного механизма и ограниченного политического «укрытия» со стороны Запада поведение Турции и Азербайджана усиливает риски структурного подчинения Армении.

Все это подчеркивает необходимость пересмотра внешнеполитической стратегии в пользу комбинированной модели «укрытий». Такая модель предполагает не выбор одного центра силы, а создание многослойной системы защиты, включающей элементы политического «укрытия» со стороны ЕС, экономического взаимодействия с Ираном, сохранение инфраструктурной связки с Россией, а также использование глобальных социальных структур – диаспоры, миграционных сетей, образовательных и технологических связей. В этой логике внешняя политика перестает быть линейной, превращаясь в попытку выстроить гибридную архитектуру «укрытий», где каждое направление компенсирует дефициты других.

Ключевая задача Армении в рамках «*shelter theory*» заключается в повышении собственной ценности для внешних акторов, поскольку малые страны становятся объектами защиты тогда, когда их роль оказывается незаменимой. Это требует повышения инфраструктурной значимости (коридор «Север–Юг», поддержка высоких

технологий, энергетические и логистические узлы), а также расширения функций дипломатического, гуманитарного и транзитного посредничества. Когда малая страна перестает быть обузой и превращается в ресурс, она получает неформальное «укрытие»: ее безопасность становится частью интересов других держав.

В условиях трансформации отношений между крупными игроками – Россией, Ираном, Турцией, США и ЕС – Армения должна учитывать, что никакие гарантии не являются вечными. Внешняя политика, основанная на единственном источнике безопасности, фактически перестает быть политикой малой страны и превращается в зависимость. «Теория укрытия», напротив, предполагает диверсификацию, адаптивность и гибкое перераспределение связей. Именно такая архитектура способна снизить уязвимость Армении, вывести ее из институциональной ловушки и создать устойчивость, основанную не на силе, а на правильной конфигурации внешних отношений.

Однако стоит отметить, что в условиях политической фрагментации, высокой поляризации, недоверия к институтам и отсутствия минимального стратегического консенсуса между элитами и обществом даже самые сильные внешние «укрытия» работают слабо, поскольку малая страна теряет способность к коллективному действию.

Армения сегодня сталкивается именно с этой проблемой: разрушение прежней внешней архитектуры совпало с отсутствием единой стратегической линии внутри страны. «Теория укрытия» показывает, что государства с ограниченной внутренней консолидацией становятся зависимыми от внешних акторов не только в сфере безопасности, но и в принятии решений. Отсутствие стратегической культуры, долгосрочного планирования и стабильной модели национальной безопасности делает Армению уязвимой даже при наличии альтернативных международных партнеров. В подобных условиях внешние «укрытия» используются нерегулярно, фрагментарно и зачастую лишь как реакция на кризисы, а не как элементы выстроенной стратегии.

Без стратегического видения ни одно «укрытие» не может быть эффективно интегрировано в национальную политику. Армения рискует оказаться в ситуационной зависимости от внешних акторов, а не в системе взаимных обязательств, что увеличивает вероятность вовлечения в конфликты между крупными державами. Кроме того, консолидация общества и политический консенсус по вопросам безопасности становятся фундаментальными условиями, без которых создание устойчивого набора «укрытий» невозможно. В конечном счете стратегия Армении должна строиться на формировании многослойной системы гарантий безопасности – внешних и внутренних одновременно.

Источники и литература

1. Азербайджан снял все ограничения на транзит грузов в Армению. DW, 21.10.2025, <https://www.dw.com/ru/azerbajdzan-snal-vse-ogranichenia-na-tranzit-gruzov-v-armeniu/a-74445772>
2. Армения обсудит с РФ возможности сотрудничества в рамках “маршрута Трампа”. ТАСС, 27.10.2025, <https://tass.ru/ekonomika/25468015>

3. В обход Азербайджана: Первый поезд из РФ прибыл в Иран по коридору Север-Юг, News.am, 14.11.2025, <https://news.am/rus/news/915345.html>
4. Верников, А. В. (2020). «Институциональная ловушка»: научный термин или красивая метафора? Journal of Institutional Studies, 12(2), 025-037. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.2.025-037
5. Дунамалян Н. А. Малые государства в условиях распадающегося миропорядка: сравнительно-исторический анализ. АРВАК – Армянский аналитический центр. <https://arvak.am/wp-content/uploads/2024/09/малые-государства-и-миропорядок-1.pdf>
6. Дунамалян Н. А. Внешнеполитическая повестка США: Россия. АРВАК – Армянский аналитический центр. <https://arvak.am/ru/внешнеполитическая-повестка-сша/>
7. Кому нужнее запуск железнодорожного сообщения – Анкаре или Еревану? Sputnik Армения, 30.08.2024, <https://am.sputniknews.ru/20240830/komu-nuzhnee-zapusk-zheleznodorozhnogo-soobscheniya--ankare-ili-erevanu-79986421.html>
8. Ли Мэнлун, Лю Пэнци, Ли Чжилунь Стратегия «заманить и обескровить»: как инструмент поддержания глобальной гегемонии США. Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2024. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-zamanit-i-obeskrovit-kak-instrument-podderzhaniya-globalnoy-gegemonii-ssha>
9. Марджанян А. Ирано-израильская война 2025 г.: предварительные выводы для Армении. АРВАК – Армянский аналитический центр. <https://arvak.am/ru/ирано-израильская-война-2025-г-предварит/>
10. Овчаренко Д. В. Перспективы развития ЕАЭС в условиях противостояния России и Запада. Проблемы постсоветского пространства. 2023;10(4):356–364. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-4-356-364>
11. Смагин Н. Опять близко. Как 12-дневная война подстегнула сотрудничество России и Ирана. Carnegie Politika. <https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2025/11/russia-iran-deterrence-plans?lang=ru¢er=russia-eurasia>
12. Тюркский инвестиционный фонд официально начал свою деятельность. Министерство национальной экономики Республики Казахстан, 21.05.2024, <https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/press/news/details/775457?lang=ru>
13. Baldacchino, G., & Wivel, A. (Eds.). (2020). Handbook on the Politics of Small States. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. Retrieved Nov 15, 2025, from <https://doi.org/10.4337/9781788112932>
14. Blackwill, R. D., & Harris, J. M. (2016). *War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft*. Harvard University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1c84cr7>
15. Cheng-Chwee, K. (2008). The Essence of Hedging: Malaysia and Singapore's Response to a Rising China. Contemporary Southeast Asia, 30(2), 159–185. <http://www.jstor.org/stable/41220503>
16. Cooley A. Great Games, Local Rules: The New Power Contest in Central Asia. Oxford University Press, 2012. 267 p.

17. Galstyan, N. (2021) “Types of security strategies of small states: compilation and opposition”, YSU Journal of International Affairs, 12(3 (36), pp. 61–70.
doi:10.46991/BYSU:D/2021.12.3.061
18. Hovsepyan, L., & Tonoyan, A. A. (2025). Sustaining conflict: identity, ontological (in)security, and Azerbaijan’s policy toward Armenia after the 2020 Nagorno-Karabakh War. *Small Wars & Insurgencies*, 36(5), 963–995.
<https://doi.org/10.1080/09592318.2025.2480690>
19. Maass, M. “The story of small state survival: Past, present, and future”. *Small states in world politics: The story of small state survival, 1648-2016*, Manchester: Manchester University Press, 2017, pp. 220-235. <https://doi.org/10.7765/9781526108531.00011>
20. Qatrani, Osama, Iran Vs Israel Who Wins, Who Loses-and Why Everyone May Pay the Price (June 21, 2025). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=5314265> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5314265>
21. Teo, S. (2022). “The Study of Middle Powers and Their Behaviour”. In *Middle Powers in Asia Pacific Multilateralism*. Bristol, UK: Bristol University Press.
<https://doi.org/10.51952/9781529216493.ch002>
22. Thorhallsson, B., & Steinsson, S. (2023). A theory of shelter: Small-state behaviour in international relations. In *Agency, Security and Governance of Small States: A Global Perspective* (pp. 29-48). Taylor and Francis/ Balkema.
<https://doi.org/10.4324/9781003356011-4>